

18+

Алексей Готов

Терапия тишиной

Алексей Готов

Терапия тишиной

«Издательские решения»

Готов А.

Терапия тишиной / А. Готов — «Издательские решения»,

Это пронзительная история о девушке Лизе, которая стоит на грани жизни и смерти. После попытки суицида она попадает к психологу, и их встреча запускает сложный процесс исцеления. Роман — о депрессии, переносе, любви и мужестве оставаться живым, когда мир рушится. Это честная проза о боли, принятии и поиске себя без фальшивого хэппи-энда.

© Готов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Тишина перед входом	6
Глава 2. Правило молчания	10
— Нет	11
— Я помню	13
Глава 3. Невидимый	14
— Договорились	16
— В смысле?	17
— Нормально	18
— Зачем?	20
Глава 4. Точка пересечения	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Терапия тишиной

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0069-9730-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тишина перед входом

Эпиграф:

«Я хочу, чтобы кто-нибудь сел рядом и просто сказал: „Я не уйду“. Но когда это происходит, я срываюсь и убегая. Потому что не верю».

На крыше общежития ветер всегда сильнее, чем внизу. Лиза знала это. Она стояла на парашюте уже семнадцать минут, балансируя на границе между гравием и пустотой. Ноги в грязных конверсах дрожали — не от холода, хотя октябрь был сырым, а от той странной решимости, которая появляется только на самом дне, когда уже нечего терять, кроме собственного отражения в витрине аптеки.

Она смотрела вниз. Асфальт был серым, с жёлтыми пятнами фонарей. С высоты десятого этажа машины казались игрушечными, люди — муравьями, а сама Лиза — ничем. Не человеком. Ошибкой системы, которую нужно удалить.

«Почему вторая попытка легче первой?» — подумала она. Потому что первая была криком. А эта — просто точкой.

В кармане худи вибрировал телефон. Мать звонила в пятый раз. Лиза не ответила. Она вообще перестала отвечать три дня назад, после того как психиатр в платной клинике сказал матери: «У вашей дочери рекуррентное депрессивное расстройство, суицидальные мысли, рекомендована госпитализация». Мать тогда заплакала — не от жалости, а от злости. «Ты меня позоришь, — сказала она потом в машине, сжимая руль так, что побелели костяшки. — Что я скажу людям?»

Людям. Это слово было кнопкой спуска.

Лиза сделала шаг.

Но вместо полёта — только глухой удар и боль в боку. Она не упала вниз. Она упала на парашют, потому что в последнюю секунду чья-то рука схватила её за капюшон. Парень с соседнего этажа, который вышел курить. Он потом что-то кричал, звонил в скорую, держал её за плечи, пока она не перестала вырываться.

Она не запомнила его лица. Только запах дешёвого табака и своё унижение.

— —

В палате пахло хлоркой и равнодушием.

Лиза лежала на боку, подтянув колени к груди, и смотрела в стену. Белая краска, облупившаяся у батареи. Окно с решёткой. Кнопка вызова медсестры — красная, как пульт от старого телевизора.

Мать приехала через два часа. В пальто с леопардовым принтом, с идеальным макияжем, от которого остались только разводы туши под глазами.

— Ты хоть понимаешь, что с тобой будет? — спросила она, не садясь на стул. — Тебя положат в дурку. Настоящую. С уколами и санитарями.

Лиза молчала. Она вообще разучилась говорить в такие моменты. Слова застревали где-то в горле, превращаясь в комок мокрой ваты.

— Я договорилась с психологом, — мать говорила быстро, будто боялась, что Лиза перебьёт. — Хороший специалист, молодой, но с опытом. Будешь ходить два раза в неделю. Если через месяц не будет прогресса — ложишься в ПНД. Точка.

— Я не пойду, — прошептала Лиза в стену.

— Пойдёшь. Или я вызываю полицию и оформляю принудительную госпитализацию. Выбирай.

Выбора не было. Как всегда.

— —

Кабинет находился на пятом этаже старого жилого дома, переделанного под медицинский центр. Лифт не работал, и Лиза поднималась пешком, пересчитывая ступеньки, чтобы отвлечься от стука в груди.

Семьдесят две ступеньки. Дверь с табличкой «Горин Д. В., клинический психолог». Звонок. Тишина.

Она почти повернулась и ушла, но мать стояла за спиной, скрестив руки.

— Заходи. Я подожду в машине.

Лиза вошла.

Приёмная была маленькой — кресло, вешалка, стол администратора, который сегодня отсутствовал. Из-за закрытой двери доносились голоса. Потом дверь открылась, вышел мужчина в пальто, кивнул, и Лиза услышала:

— Заходите, Елизавета.

Голос был низким, спокойным. Не ласковым — просто нейтральным, как у диктора в навигаторе. Но в этом спокойствии было что-то... твёрдое. Не давящее, а такое, от чего хотелось опереться.

Она перешагнула порог.

Кабинет оказался больше, чем она ожидала. Книжные шкафы от пола до потолка, настольная лампа с зелёным абажуром, два кресла напротив друг друга, журнальный столик с салфетками и стаканом воды. Запах кофе и старой бумаги. И человек, который сидел в левом кресле, чуть развернувшись к ней.

Она не успела рассмотреть его лица. Только руки. Длинные пальцы, держащие ручку. Часы с кожаным ремешком. Обручальное кольцо — золотое, простое, без камней.

— Присаживайтесь, — он указал на свободное кресло. — Нам предстоит разговор. Я обещаю, что ничего страшного не случится.

Она села на самый край, вжав голову в плечи, как испуганный зверёк. Руки спрятала в рукава свитера. Смотрела в пол.

— Вы можете не говорить, если не готовы, — он говорил медленно, делая паузы. — Первая встреча — это знакомство. Я хочу понять, что вы чувствуете. Вы можете сказать мне что угодно. Я не буду вас осуждать.

Лиза молчала. Внутри неё всё кричало: «Беги. Он будет лезть в голову. Он увидит, какая ты гнилая». Но ноги не слушались.

Она подняла глаза.

И в этот момент мир сдвинулся.

Он сидел в кресле, положив блокнот на колено, и смотрел на неё — без жалости, без любопытства, просто ожидая. Карие глаза, тени под ними, лёгкая небритость. Тёмно-русые волосы, чуть взъерошенные. Свитер оливкового цвета. И очки в тонкой оправе, которые он держал в левой руке.

Она не знала, сколько длилась эта секунда. Но что-то щёлкнуло в груди — не там, где болело всегда, а где-то глубже. Там, где она уже похоронила способность чувствовать.

«Нет, — испугалась она. — Только не это. Только не он».

Потому что хуже ненависти к себе могла быть только любовь к тому, кто обязан её лечить.

— Вы здесь, Елизавета? — мягко спросил он.

— Да, — выдохнула она. — Я здесь.

И поняла, что врёт.

Она была не здесь. Она была уже на дне новой пропасти, которую только что вырыла себе сама.

— —

В машине мать спросила:

— Ну как?

— Нормально, — ответила Лиза, глядя в окно.

Первый раз за много месяцев она соврала не для того, чтобы её оставили в покое. А для того, чтобы никто не догадался: в кабинете на пятом этаже она потеряла последний кусок своего рассудка.

Потому что влюбиться в психолога — это диагноз. А не романтика.

Но попробуй объясни это сердцу, которое давно хотело просто, чтобы его заметили.

Конец первой главы.

Глава 2. Правило молчания

Дома Лиза заперлась в ванной и села на край ванны, обхватив колени руками. Кафель был холодным, даже через джинсы. Где-то за стеной мать гремела посудой — мыла чашку за чашкой, хотя обычно оставляла всё в раковине. Нервная привычка. Наказание себя за то, что не может контролировать дочь.

Лиза смотрела в одну точку — на трещину в плитке, похожую на молнию. И думала о нём.

Она не хотела думать. Честно пыталась заставить мозг переключиться на что-то другое: на завтрашнюю пару по истории, на невыученное стихотворение, на то, что в холодильнике скис йогурт. Но мысли всё равно возвращались.

Горин Д. В. Дмитрий. Дима.

Она даже произнесла это имя вслух, шёпотом, и тут же зажала рот рукой, будто кто-то мог услышать. Стыд обжёг щёки.

— Идиотка, — сказала она себе. — Он просто делает свою работу.

Но разве работа заставляет смотреть так? Без жалости, без осуждения, просто — видеть. Будто она не кусок мяса с суицидальными наклонностями, а человек. Настоящий.

Она открыла кран с холодной водой и плеснула в лицо. В зеркале отразилась девушка с мокрыми розовыми прядями, прилипшими к щекам, с тёмными кругами под глазами, с опухшими от бессонницы веками. Уродка. Фрик. Кому, спрашивается, она могла понравиться?

— Он женат, — напредила она себе. — Кольцо. Ты видела кольцо.

Это должно было отрезвить. Но почему-то не отрезвляло. Наоборот — добавляло остроты. Запретный плод. Классика жанра для таких, как она.

Мать постучала в дверь.

— Ты там утонула?

— Выхожу.

Лиза вытерла лицо грязным полотенцем и вышла. Мать стояла в коридоре, поджав губы.

— Ты не хочешь поесть?

— Не хочу.

— А хочешь поговорить о том, что было у психолога?

— Нет

Мать вздохнула — тот самый вздох, которым она всегда давила на жалость. «Я стараюсь, а ты отталкиваешь». Лиза знала эту игру с детства.

— Он мне понравился, — вдруг сказала мать. — Горин. Взрослый мужчина, без пафоса. По голосу чувствуется. И недорого берёт, я узнала.

Лиза промолчала. Ей хотелось заорать: «Не смей его обсуждать! Ты не имеешь права!» Но она только кивнула и ушла в свою комнату.

— —

Комната была такой же, как её душа — серой и захламлённой. Плакаты групп, которые она больше не слушала. Стопка книг, которые она не дочитала. На подоконнике — пустые банки из-под энергетиков и пепельница, хотя она не курила уже месяц. Просто не выбросила.

Лиза легла на кровать, свернувшись калачиком. Телефон завибрировал — сообщение от одноклассницы Веры.

«Ты чё пропала? Завтра контрольная по философии, скинуть ответы?»

Вера была единственным человеком, который ещё не отвернулся. Простая, громкая, с вечными чипсами в руках. Она не лезла в душу, не задавала вопросов про шрамы, просто иногда звала гулять или кидала мемы. Лиза ценила это, хотя не умела показывать.

«Скинь», — ответила она.

И тут же, не успев передумать, открыла браузер и ввела в поиске: «Дмитрий Горин психолог».

Страница нашлась быстро. Маленький сайт медицинского центра, где он работал. Фото — то же лицо, но более официальное: пиджак, галстук, причёска. Лиза задержала дыхание. Даже на этой скучной корпоративной фотографии он был красивым. Не той красивой, что бросается в глаза, а той, что заставляет смотреть и искать что-то ещё.

Образование: МГУ, клиническая психология. Повышение квалификации: когнитивно-поведенческая терапия, работа с ПТСР, суицидальное поведение.

Суицидальное поведение. Вот почему мать выбрала именно его. Он специалист по таким, как она.

В разделе «О себе» было всего две строчки: «В работе опираюсь на научный подход и уважение к личности пациента. Важно не то, что с вами случилось, а то, что вы решите с этим делать».

Лиза закрыла страницу. Сердце колотилось так, что заболели рёбра.

— Это пройдёт, — сказала она пустой комнате. — Это просто перенос. Я начиталась Фрейда. У всех пациенток бывает.

Но где-то в глубине, там, где пряталась самая честная часть её сознания, тонкий голос шептал: «Не пройдёт. Ты ведь ищешь, за кого уцепиться. Раньше это был нож. Теперь — он».

— —

Ночью ей приснился сон.

Они сидели в его кабинете, но обстановка была другой — вместо кресел стояла старая деревянная скамейка, как в парке. На улице шёл снег, хотя за окном был октябрь. Он смотрел на неё и улыбался — впервые. Не дежурно, а по-настоящему, с морщинками в уголках глаз.

— Расскажи мне, что ты чувствуешь, — сказал он.

Она открыла рот, чтобы ответить, но из горла вырвалась только тишина. Беззвучный крик. Она пыталась говорить, но не могла, а он всё ждал, терпеливо, и от этого становилось только страшнее.

Потом он встал, подошёл и положил руку ей на плечо. Тёплую, тяжёлую.

— Всё хорошо. Ты можешь не говорить.

И Лиза проснулась.

В три часа ночи. С мокрой подушкой и с таким острым чувством потери, будто её только что лишили чего-то важного. Чего-то, чего у неё никогда не было.

Она села на кровать, обняла плюшевого кота — единственную мягкую игрушку, которую не выбросила в четырнадцать лет, и прошептала в темноту:

— Что ты со мной делаешь?

Ответа не было. Только тиканье часов на стене и далёкий звук проезжающей машины.

— —

Утром мать сказала:

— В четверг у тебя вторая сессия. Я записала на четыре.

— Я помню

— И пожалуйста, не надевай эту свою рвань. Оденься прилично. Он же врач, а не твой ровесник.

Лиза хотела ответить что-то едкое, но сдержалась. Она вообще стала сдержаннее после вчерашнего. Словно внутри поселился зверёк, который боялся спугнуть чужое внимание.

Вместо этого она надела чистое чёрное худи — без дырок, без пятен. И даже завязала волосы в аккуратный пучок, спрятав розовые пряди.

По дороге в университет она поймала себя на мысли, что считает дни до четверга.

Три дня. Два. Один.

Это было похоже на ожидание казни. Или свидания. Лиза не знала, что хуже.

— —

В четверг в три сорок пять она уже стояла у двери кабинета. Сердце колотилось так, что, наверное, было слышно в коридоре. Она дважды поправила рукава, проверила, не видно ли шрамов, и нажала на звонок.

Из-за двери раздалось:

— Входите.

Голос был тем же. Низким, спокойным. От него по спине пробежали мурашки.

Лиза толкнула дверь.

Он сидел в том же кресле, в том же оливковом свитере. Очки лежали на столе. Ручка — в руке.

— Здравствуйте, Елизавета. Проходите, присаживайтесь. Как прошла неделя?

Она села, сложила руки на коленях и посмотрела ему в глаза. Всего на секунду. Потом опустила взгляд.

— Нормально, — сказала она.

И подумала: «Если бы ты знал, как я ждала этой секунды».

Но вслух не сказала ничего.

Потому что правило молчания было единственным, что её ещё спасало.

Конец второй главы.

Глава 3. Невидимый

Четверг, четыре часа дня. Кабинет Дмитрия Горина.

— Расскажите о ваших мыслях, Елизавета. Не обязательно о тяжёлых. О любых.

Лиза сидела, вцепившись в подлокотники кресла. Она готовилась к этому вопросу три дня. Придумала десятки ответов — умных, честных, провокационных. Но когда он смотрел вот так, спокойно и выжидающе, все слова рассыпались.

— Я думаю... о том, что вы подумаете, что я сумасшедшая, — выпалила она.

— Это меня не пугает. Я психолог.

Она почти улыбнулась. Почти.

— Я думаю о том, как перестать думать.

— Это распространённая проблема. Мы часто пытаемся бороться с мыслями, но чем сильнее боремся, тем громче они становятся. Вы пробовали просто наблюдать за ними?

— Наблюдать? — Лиза нахмурилась. — За этой мясорубкой?

— Не оценивая. Не говоря «это плохая мысль» или «я урод из-за неё». Просто замечать: «Ага, сейчас у меня возникла мысль, что я ничтожество». И отпускать.

Она смотрела на его руки. Он не делал пометок в блокноте, просто держал ручку. Длинные пальцы, чистая линия ногтей. На левой руке — обручальное кольцо.

— Вы женаты? — вырвалось у неё раньше, чем она успела прикусить язык.

Дмитрий поднял брови. Пауза затянулась.

— Это личный вопрос, — мягко сказал он. — Но я отвечу, если вы объясните, почему он важен для нашей работы.

— Неважно, — быстро сказала Лиза, чувствуя, как заливается краской. — Просто... вы носите кольцо. Я заметила. Я вообще много замечаю. Это болезнь.

Он не стал давить. Только кивнул и вернулся к теме.

— Хорошо. Давайте попробуем упражнение. Закройте глаза.

— Зачем?

— Чтобы меньше отвлекаться.

Она закрыла. В темноте его голос стал ближе. Глубже.

— Представьте, что вы сидите на берегу реки. А ваши мысли — это листья, которые плывут мимо. Вы не должны их ловить. Не должны оценивать. Просто смотрите, как они проплывают. Что вы видите?

— Мусор, — честно сказала Лиза. — Дохлую рыбу. Грязную пену.

Он не засмеялся.

— Это нормально. Продолжайте.

Она продержалась минуту. Может, две. А потом в потоке «листьев» всплыло его лицо. Сначала просто тень. Потом — улыбка. Та самая, из сна.

Лиза резко открыла глаза.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да. Просто... зануло в груди.

— Физически?

— Не знаю. Наверное.

Он сделал пометку в блокноте. Лиза ненавидела этот блокнот. Что он там пишет? «Пациентка с эротическим переносом, первая стадия»? «Опасна для себя и для терапевта»?

— Сессия подходит к концу, — сказал он. — Домашнее задание: каждый день уделять пять минут наблюдению за мыслями. Без оценок. Записывайте самые навязчивые. Договорились?

— Договорились

Она встала, поправила рукав, чтобы прикрыть запястье. У двери обернулась.

— Дмитрий Владимирович?

— Да?

— Спасибо.

Он кивнул. Без улыбки. Профессионально. И от этого профессионализма хотелось выть.

— —

На выходе из медицинского центра Лизу окликнули.

— Лизка! Ты чего тут?

Она обернулась. На скамейке у подъезда сидел Кирилл — её однокурсник, высокий, широкоплечий, с вечно растрёпанными тёмными волосами и ямочками на щеках. В руках — дымящийся стаканчик кофе.

— Кир? Ты... следишь за мной? — спросила она, настороженно шурясь.

— Слежу, да. Детективом подрабатываю, — хмыкнул он. — Нет, дура. Я тебя после пары ждал, ты убежала как ошпаренная. Вера сказала, что ты к психологу ходишь. Я решил подстраховать. Вдруг плохо станет?

Лиза почувствовала раздражение. И благодарность. Странный коктейль.

— Мне не нужна нянька.

— А я не нянька. Я друг, — он протянул ей кофе. — Держи. Американо без сахара, ты же такой пьёшь?

Она взяла кофе. Тёплый. Тяжёлый.

— Откуда знаешь?

— Ты на каждой паре пьёшь эту бурду. Я запомнил.

Они пошли к остановке молча. Кирилл шёл чуть сзади и слева — так, чтобы заслонять её от ветра. Лиза не замечала. Она думала о том, что Дмитрий сказал про «наблюдение без оценок». Пыталась применить к себе. Не получалось.

— Ты изменилась, — вдруг сказал Кирилл.

— В смысле?

— Не знаю. Тише стала. Раньше хоть огрызалась, а теперь просто... уходишь в себя. Меня это пугает.

Она остановилась.

— Кирилл, послушай. Я ценю, что ты переживаешь. Но не надо. Серьёзно. У меня голова другим забита.

— Чем? — спросил он, глядя прямо в глаза.

Она отвела взгляд. Не могла же сказать «психологом, на которого у меня стоит, хотя он женат и старше на тринадцать лет».

— Ничем. Всякой фигнёй.

Он не поверил. Но не стал давить.

— Ладно. Тогда пошли, я провожу тебя до общаги. Холодно.

Она хотела отказаться, но Кирилл уже шагал рядом, сжимая в кармане куртки что-то маленькое. Позже она найдёт в сумке шоколадку «Алёнка» — без записки, без намёка. Просто так.

И подумает: «Добрый. Наверное, всем девушкам носит».

— —

В общаге Вера ждала её в комнате с разогретым дошираком и двумя ложками.

— Ну как? — спросила она, вонзаясь в лапшу.

— Нормально

— Опять нормально? Ты как робот. Дай хоть какой-то эмоции.

Лиза села на кровать, обхватив колени.

— Хорошо. Я чувствую себя... странно.

— Странно — это как?

— Как будто я сломала себе что-то внутри, а починить могу только я, но мне лень.

Вера отложила ложку.

— Слушай, Лиз. Ты мне ничего не рассказываешь, и я не лезу. Но если что — я здесь. И Кир тоже. Он сегодня весь день ходил сам не свой. Всё спрашивал, где ты и когда вернёшься.

— Он просто друг.

Вера посмотрела на неё с таким выражением, которое бывает у взрослых, когда дети говорят глупости.

— Ага. Конечно. «Просто друг» помнит, какой кофе ты пьёшь, и ждёт тебя на холоде два часа.

Лиза промолчала. Внутри что-то царапнуло — маленькое, неудобное, похожее на совесть.

Но она сразу же задавила это чувство. Потому что если признать, что Кирилл правда влюблён, то придётся либо отвечать, либо отталкивать. А отталкивать — это больно. И себе, и ему.

Легче сделать вид, что ничего не замечаешь.

— Он хороший, — тихо сказала Лиза. — Просто я не та, кто может это оценить.

Вера хотела возразить, но передумала. Вместо этого она подвинула доширак.

— Ешь. Завтра контрольная. А послезавтра — твой психолог. Что-то ты его ждёшь больше, чем нового сезона «Настоящего детектива».

Лиза усмехнулась. Впервые за день.

— Пошла ты.

— А я и пошла. К Кириллу, скажу, что ты его любишь.

— Вера!

— Шучу. Или нет?

Они засмеялись. Настоящим, громким смехом, который выветрил из комнаты хотя бы часть черноты.

А на столе, рядом с пустой чашкой из-под кофе, лежала шоколадка «Алёнка». И Лиза, сама не зная зачем, спрятала её в ящик тумбочки.

Не выбросила.

Оставила.

— —

Ночью ей снова приснился Дмитрий.

Они стояли в лифте — том самом, сломанном, но почему-то работающем. Он был близко, очень близко. Пахло кофе и деревом. Его рука лежала на перилах, и Лиза смотрела на кольцо.

— Снимите его, — попросила она во сне.

— Зачем?

— Чтобы я могла представить, что вы свободны.

Он засмеялся — мягко, без насмешки. Снял кольцо и протянул ей. Оно было тёплым.

А потом лифт открылся, и на площадке стоял Кирилл. Смотрел прямо на неё — без злости, но с такой тоской, что сердце сжалось.

— Ты никогда меня не замечаешь, — сказал он.

Лиза проснулась с комком в горле.

Три часа ночи. В соседней кровати сопела Вера. На тумбочке лежала недоеденная шоколадка.

Лиза взяла телефон и открыла чат с Кириллом. Последнее сообщение — от него: «Спокойной ночи. Завтра на философии буду места занимать, как обычно».

Она напечатала: «Спасибо за шоколадку» — и стёрла. Напечатала: «Ты правда ждал меня?» — и снова стёрла.

В итоге не ответила ничего.

Потому что сказать «спасибо» — значило признать, что он для неё что-то делает. А признать это — значило открыть дверь, в которую она не хотела заходить.

Лучше быть слепой. Лучше быть глупой.

Лучше думать о том, кто недостижим, чем о том, кто стоит рядом и ждёт.

Потому что недостижимый не отвергнет. Он просто останется фантазией.

А настоящий — может уйти.

И Лиза не была готова к тому, чтобы кто-то ушёл по её вине.

Конец третьей главы.

Глава 4. Точка пересечения

Третья сессия. Четвёртая. Пятая.

Лиза перестала считать. Она вообще перестала считать многое — дни, таблетки, часы до следующего раза. Жизнь разделилась на «до кабинета» и «после». Внутри кабинета она дышала. Снаружи — просто существовала.

Дмитрий Горин оставался неизменным: тот же свитер (сегодня серый), те же очки на столе, тот же ровный голос. Он не приближался, не отдалялся. Был как линия горизонта — всегда на расстоянии, но именно она задавала направление.

— Вы стали спокойнее, — заметил он на пятой встрече. — Меньше сжимаетесь.

— Мне... не страшно здесь, — призналась Лиза. — Это странно. Я всегда боюсь людей. А вас — нет.

— Это хороший знак. Доверие — основа терапии.

Доверие. Она чуть не рассмеялась вслух. Если бы он знал, что она доверяет ему не только свои мысли, но и сны, и фантазии, и то, как колотится сердце, когда он произносит её имя. Елизавета. Полностью. Не Лиза. Он никогда не сокращал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.